

Локальные же выражения ее по своему составу совершенно «анти-системны». В одном и том же языке смешаны как равные самые разные по происхождению названия четырех основных сторон света, — одни по видимому положению солнца, другие по рельефу местности или иному локальному ориентиру и т. д.; наиболее часты два блока, но нередки и дробней. Не система, а хаос? Нет! Каждая система выбирает элементы предшественниц подобно тому, как древнеримский триумфатор привязывал побежденных к своей колеснице. Тепловоз нашел источник движения в самоваре, трубу — в печке, рельсы — в древних деревянных настилах, а он — единое, работающее целое, система — и какая!

Строгая геометрическая система позволила разделить стороны горизонта на равные части, удвоив до 8, даже до 16. Эти множества по самой сути противоположны множествам сторон прежних локальных ориентировок.

Именования промежуточных сторон света, как правило, образованы словосложением: норд-ост, зюд-вест. Интересно различие: во всех языках индоевропейских (от них в тюркских и ряде других) первый компонент — названия полюсов, а в японском, китайском, вьетнамском, бирманском, лаосском, гавайском порядок обратен: впереди запад и восток. Эту деталь не заметили, по географии различия таково, что его невозможно объявить случайным, хотя в словосложениях семантически равноправных и грамматически однородных компонентов безразличен их порядок. Сами понятия промежуточных румбов поздны. В языковом выражении их, видимо, отражены пережиточно различия двух культур — дальневосточной с базой ориентировки на восточную и западную стороны, европейской — с более поздней ориентировкой на точки полюсов. Исключения редки. В финском-суоми названия промежуточной стороны построены по дальневосточному порядку, ориентировки — локальной: в употреблении обычной *luode*, чем *länsipohjoinan* (*länsi* 'запад', *pohjo* 'север'). Собственные эстонские названия промежуточных сторон света — независимы от названий основных сторон: *kirre*, *kagu*, *edel*, *loe*. В суахили — порядок их «дальневосточный», но там они не словосложения, а словосочетания, образованные притяжательно: *magharibi ya kusini* 'запад южный' (т. е. ю.-з.).

А в тибетском языке порядок свой, уникально-логичный по ходу солнца: север-восток, восток-юг, юг-запад, запад-север.

В тюркских и некоторых других языках горизонт делили на 12 частей по «животному циклу», членение арифметически дробно и держалось долго, но вынуждено было отступить.

Без терминов пространственной ориентировки человечество было бы слепое. В этом прямом назначении они незаменимы. Но они драгоценны для многих отраслей науки. Их показания позволяют раскрыть: формирование представлений о планете, древние верования, развитие мышления от хаоса разрозненных наблюдений к целостной глобальной системе, историю народов (их расселение, связи, миграции), историю языков (различия межъязыковых общностей — гене-

тических, контактных, типологических), семантическое словообразование — сегодня метонимия (перенос по смежности) и метафора (перенос по сходству) — стилистические средства, а в прошлом — основные способы создания слов. Им же образованы почти все названия стран света. Эти названия — красноречивые свидетели истории мировой культуры.

Н. В. Никончук

ЭПДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПОЛЕСЬЯ

Каждый говор как унаследованная структура состоит из элементов, которые объединяют его с элементами родственных говоров, а как изолированно оформившаяся система он определяется совокупностью оппозиционных лингвем, в число которых, с одной стороны, входят особенности, распространенные на территории, большей, чем ареал одного говора, а с другой — в нем функционируют эндемизмы, т. е. явления, которые не повторяются нигде.

Любая языковая структура невозможна без эндемических явлений, иначе она была бы структурой пандемизма. Поэтому вопрос о том, чем выделяется диалектный феномен в общенациональном языке или чем отличается от других родственных систем локального распространения, является в первую очередь проблемой эндемизмов.

Эндемическими могут быть элементы всех языковых уровней. Количество их прямо пропорционально инвентарному состоянию яруса, поэтому наибольшим числом неповторимых явлений отличается лексико-семантический уровень.

Выведение эндемического статуса лингвемы сопряжено с определенным квалификационным риском. Пока не зафиксирован и не введен в научный оборот весь диалектный фактаж, ареалогические выводы будут иметь предположительный характер. Однако сомнения в потребности такой работы уменьшаются априорностью того, что эндемизмы все-таки существуют, что они должны вычлениваться даже самой взыскательной фильтрацией, и несомненной пользой стимула к проверке и поиску, который всегда оживляет исследование. Определение эндемического статуса базируется не только на богатстве имеющегося в распоряжении исследователей научного фактажа, но и на личном опыте диалектолога. Приведем пример определения лексических эндемизмов *стрижок* 'крутой берег реки', который употребляется в верхневолжских говорах, и *отрѣш*, *утрѣш* 'колышек, который соединяет ярмо с дышлом' (львинские говоры).

'Крутой берег реки'

Украинский язык: *бѣрег крутий* (Гринченко) ¹; *прѣкрий* (Там же); *стримкий* (Там же); *стрѣмк'ї*, *стрѣмк'ї* (Полесье) ²; *стрѣмно*, *стрѣмѣнѣ*, *стрѣм'я* 'крутой склон' ³; *завіс*, *завісь*, *завіса* то же (Там же); *навѣса* то же (Там же, 237); *бѣмїт* (Там же, 239); *жгріма* 'очень

крутой склон, обрыв'⁴; *крутизна* 'крутой склон'⁵; *крутоберезья* 'высокий крутой берег' (Гринченко); *облаз* 'крутой склон'⁶; *прітва* то же (Там же, 245); *зара* то же (Там же, 228); *пробасть* 'крутой, отвесный берег' (Там же, 246); *провалля* то же (Там же, 245).

Белорусский язык: *бэраг круты* (Сцяшковиц 243)⁷; *прікры* (Там же, 396), *прікры*⁸; *прітны* (Там же, 400); *стрбмкі*⁹, *стрбмкі* (Бялькевич, 422), *стрбмый*¹⁰, *стрбми* (Берестейщина); *стацьцявай*¹¹; *нахліпнысты*¹²; *стацькбл* (Сцяшковиц 472);

Русский язык: *бэрег крутой, отвесный, обрывистый* (Даль³ II, 203); *стремный* (Даль³ IV, 338); *прікры* (Даль³ III, 420).

'Колышек, который соединяет ярмо с дышлом'

Украинский язык: *притыка* (Гринченко)¹³, *притыкб* (гуцульские Гринченко)¹⁴; *затыйлок* (южноволынские); *колбж* (среднеприднепровские); *с'н'иска* (подольские); *швбрен'*, *швбр'ин'* (степные), *швбрен'* (волынские).

Белорусский язык: *затыйлок, утыйлок* (блр. Полесье)¹⁵, *збтицен'* (Туровщина); *швбрен'* (Берестейщина).

Русский язык: *притыка* (Даль³ IV, 678).

В ретроспективе древнерусского языка локальная лексика обнаруживает различные связи. Среди лексических эндемизмов есть слова генетически связанные и изолированные. Первые из них предполагают мотивирующие корни или основы, которые встречаются наряду с данным ареалом и в других говорах. Такие эндемизмы мотивируются сравнительно легко. Часть из них мотивирована корнями, которые вычлениются после тщательного деривационного анализа.

Приведем несколько примеров.

Стрѣвок 'крутой берег реки' из *стру-* (ср. *струя, струмень*) + *-в* (ср. *о-строе*) + *-ок*, что предполагает исходное значение 'обтекаемый, подмываемый берег'.

Болбночок 'головастик' родственно укр. полесск. *полбн'ик*, укр. диал. *ополбник*¹⁶, блр. *апалбнік* (ЭСБМ 1)¹⁷, *палбнік* (ЭСБМ 1)¹⁸, *палбньнік* (Бялькевич 311), *палбйнік* (Шаталава 122—123), брян. *полбник* (Там же), произведенным от гидроапеллятивов *полонь* || *болонь* и отражающим звуковую ковариативность *n* || *б*. Вариант *болбночок* со звонким *б*-подсказывает, что семантическая деривация блр. *апалбнік*, будто бы образованного переносом по внешнему сходству с *апалбніком* 'разливной ложкой' (ЭСБМ 1), является паронимическим сближением.

Буйак 'смолистая сосна, мендачина'. В славянских языках имеется несколько однородных названий леса: макед. *бујак* 'заросли, чаща' (ЭССЯ), укр. *буйак* и *байрак* 'лесок в овраге' (Гринченко), которые мотивированы семантикой буйного роста и к которым генетически примыкает *буйак* 'смолистая сосна, мендачина'.

Л'бстка, л'бсточка, л'бстка 'один из двух поперечных брусков в бороне, которые соединяют продольные брусья' родственны блр. *л'бстка* 'поперечная планка в лестнице, в тележной грядке'¹⁹, *л'бстка* 'лестница'²⁰, *л'ско* 'поперечная планка в лестнице' (Шата-

лава 101)²¹, *л'стка, л'ост, л'бстка, л'бсточка*²², *л'бсточка* (Шаталава 101), *л'бсточка, л'бстачка* (Япкоўскі), *л'бстачка* (Шаталава 97), *л'бсточка*²³ — все со значением 'поперечная планка в лестнице'; *л'сачка* 'пруги в кроснах' (Сцяшковиц 273), хотя единство представленных лексем имеет место только в консонантной части. Различное качество корневого гласного, которое не представляет собой ни альтернативы, ни аналогии, не получило объяснения и в русских словах *лестовка, листовка, лястовка* 'вервица, кожаные четки раскольников' (Даль³ II, 249; Фасмер II, 487). П. В. Стецко предполагает влияние польск. *laska* 'ореховая тычка'²⁴. Но такое влияние представляется неочевидным, поскольку оно не объясняет качества гласных фонем в корнях восточнославянских слов. Но согласие М. Фасмера с возведением рус. *лестовка, лястовка, листовка* к *л'бства* 'лестница' подкрепляется совпадением не только консонантизма, но и семантики. Особенно это очевидно в отношении укр. — блр. *л'бстка, л'бстка, л'бстка* 'поперечная планка лестницы'.

Паховіе 'рукоять вил' или с семантической дифференциацией *паховіе* 'длинная рукоять вил', а *мац'ілно* — 'короткая' (овручско-славечанские говоры). Слово повторяется в блр. диал. *п'ехац'іб* 'рукоять цепа' (и. 868 на средней Березине)²⁵ и генетически объединяется с полесскими лексемами *пах* 'подмышка', *пахва, пахвіна* то же, *пахва* 'место в рыболовной сети между крыльями и кулем, раструб мотни', с рус. *пахви, пахви* 'подхвостные ремни в лошадиной сбруе' и др. (Фасмер III, 220—221). Семантической основой для связи анализируемых слов является идея раскрытости, «распахнутости».

Определенная часть локальных слов сопровождается лексемными параллелями в других говорах, которые, однако, не раскрывают до конца тайны их происхождения. В. М. Куриленко отмечает широкий волынско-полесский ареал слов *гарах, гарахи, гарахи* 'короткая кудрявая овечья шерсть'²⁶, которые объединяются с неясным по этимологии степным *гарахики* 'кучеряві гриби, зморшки *Morchella esculenta* Pers.' (ЕСУМ I)²⁷. Этимологический словарь украинского языка осторожно соотносит его с польск. *harażny* 'гарний, гідний', образованным, как считает А. Брюкнер, от укр. *гаразд* (Brückner 168, ЕСУМ I, 47). С фиксацией волынско-полесских слов стало ясно, что это предположение украинских этимологов надо подвергнуть сомнению и направить исследование в направлении поисков однокоренных слов и мотивирующих значений. Что же касается слова *гарах*, то его происхождение, как нам представляется, может быть установлено исследованием ассоциации 'апелляция' → 'отапеллятивное название овцы' → 'вид шерсти' → 'растение'. Аналогичные модели имеют место в среднеполесских говорах, ср. полесск. *б'ір-б'ір* 'подзывание овцы' → *б'ірка* 'овца' → *б'ірка* 'завиток шерсти, волос' → *б'ірков'і* 'кудрявый (об овде, человеке)'.

Значительный процент эндемической лексики составляет группа лексем, которые пока не обнаруживают никаких генетических связей. Приведем список части локальных слов, которые образуют внутренние ареалы полесского диалектного массива:

стужа 'топь, трясина'; *дражкста* 'мокрая, сырая, с затяжными дождями, погода'; *борту́н* 'головастик'; *брику́н* то же; *ку́бах* 'выбоина на дороге'; *бин'юк* 'свиной желудок'; *кичу́к, кичу́к* то же; *бебех* то же; *вотр'ина, вутрав'ина* 'решетчатая грядка тележного (санного) ящика'; *бюлмаха* 'парост на дереве'; *бамбу́ла, бамбу́лака* то же; *бук* 'стрелка лука, чеснока'; *гук* 'соцветие подорожника; стрелка лука, чеснока; сук дерева'; *хоба* 'бот, ботало'; *с'л'ивий* 'досочка-сиденье в лавине — приспособление для самоподъема бортика на дерево'; *закр'иж'ина* 'ребро крыши в виде ромбического бруса с пазами, куда входят торцы кровельных досок'; *коштел'ак, коштал'ак* 'стоптаный лапоть'; *ч'инец* 'растение ситник *Juncus*'; *мекеза́* то же; *калы́тка* 'чурка на шее свиньи; палочка для регулирования вертикального положения нита в бердовой рамы'; *посёр-туха* 'палочка для регулирования вертикального положения нита и бердовой рамы'; *т'ют'ик, ц'уц'ик* то же; *кал'итка* 'устройство в мельнице, которое регулирует подачу зерна из коша на камни; лыко свернутое в виде восьмерки'; *ганджа́лка* 'лыко, свернутое в кольцо'; *гамесл* то же; *р'енка* 'обрезанная, очищенная лозовая кора, полностью приготовленная для плетения лаптей или корзин'; *стобу́та* с. р. 'комплект станковых ткаческих принадлежностей без стоек'; *скём'ица* 'челюсть'; *качу́рка* 'стебель капуста'; *совна́* 'быстрое течение воды (на камнях или какой-либо другой преграде)'; *ббз'нак* 'растение азалия понтийская *Azalea pontica* (*Rhododendron Pavum*)'; *лепах* 'растение рогоз широколистный *Typha latifolia*'; *л'ал'ка* 'растение аир *Acorus calamus*'; *л'уичит'* 'идти, заливая землю (о дожде)'; *сарга́н* 'куча снега, наметенная ветром'; *с'л'агбта* 'снег с дождем'; *пр'иса* 'конский храп; коровий (бычий) храп'; *парс'уна, парц'уна* 'свиное рыло; конский храп; коровий (бычий) храп'; *м'ига* 'конский храп; коровий (бычий) храп'; *одбайса́т* 'отрезать толстый ломоть хлеба'; *у́пка* 'тупой конец яйца'; *хал'ава* 'дно каравая; щель между бревнами сруба, образовавшаяся от недостаточной вырубленной чашки'; *х'избк* 'навес для сена в виде подвижной крыши на четырех столбах'; *футит' воду* (о течении на месте глубокой ямы, где бурлит вода); *шалг'ун* 'плетеная корзина для хранения сала'; *ц'бубчбк* 'соцветие подорожника'; *пасбг* 'сосулька'; *ш'упешка* 'растительная почка'; *г'ира, г'ирка* 'верша'; *избк'и* 'печеная картошка'; *пáтош* ж. р. 'все съедобные грибы, кроме гриба белого *Boletus edulis*'; *музкбл'* ж. р. 'насекомое (в общем значении)'; *дригáла, ригáла* мн. ч. 'тренога, к которой подвешивается колыбель' и многие др.

Примечания

- 1 Словник української мови. Київ, 1970—1980 (Далее — СУМ).
- 2 При отсутствии ссылки материал авторский.
- 3 *Марушенко Т. А.* Матеріали к словарю українських географічних апеллятивів. — В кн.: Полесья. М., 1960, 250 (далее — *Марушенко*).
- 4 *Німчук В. В.* Питання про зв'язки закарипатських українських говорів з південнослов'янськими мовами. — В кн.: Тези доповідей V міжзузівської республіканської славистичної конференції. Ужгород, 1962.
- 5 *Марушенко* 233.
- 6 Там же, 238.

- 7 Беларуско-руські слоўнік / Пад рэд. К. К. Крапівы. М., 1962.
- 8 *Сігеда П. Г.* Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 84.
- 9 Беларуско-руські слоўнік.
- 10 *Клімчук Ф. Д.* Специфічная лексіка дрогічынскага Полесья. — В кн.: Лексіка Полесья. М., 1968, 70.
- 11 *Вештарт Г. Ф.* Матэрыялы для дыялектнага слоўніка. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, 63.
- 12 *Клімчук Ф. Д.* 3 лексікі цэнтральнага Загароддзя. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, 145.
- 13 СУМ.
- 14 *Шухевич В.* Гуцульщина. Матэрыялы до україньско-руської етнології. Львів, 1899, I, 165.
- 15 *Масленникова Л. И.* Из полесской терминологии транспорта. — В кн.: Лексіка Полесья. М., 1968, 170.
- 16 СУМ.
- 17 Беларуско-руські слоўнік.
- 18 Там же.
- 19 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1979, III; *Саскевіч М. А.* Яшчэ з лексікі вёскі Пагост Жыткавіцкага раёна. — В кн.: Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 99.
- 20 *Лучыц-Федарэц І. Г.* Будаўнічая тэрміналогія беларускага прыпяцкага Полесья. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, 227; *Сцяцко П. У.* Народная лексіка і словаўтварэнне. Мінск, 1972, 177.
- 21 *Масленникова Л. И.* Из полесской терминологии транспорта, 175; *Яшкін І. Я.* 3 лексікі вёскі Дудзічы і Азярычына Пухавіцкага раёна. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, 112; *Сцяцко П. У.* Народная лексіка і словаўтварэнне, 177.
- 22 *Масленникова Л. И.* Из полесской терминологии транспорта, 175.
- 23 Там же.
- 24 *Сцяцко П. У.* Народная лексіка і словаўтварэнне, 177.
- 25 Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта № 257; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведчыны матэрыялы і каментары да карт. Мінск, 1963, 828.
- 26 *Куриленко В. М.* Лексіка жывотноводства в полесских говорах. — Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
- 27 *Яворницький Д. Г.* Словник української мови. Катеринослав, 1920, I.

Г. Ф. Одинцов

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАЗВАНИЙ ОРУЖИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, исследование целых групп, систем слов и закопов их семантических изменений все больше входит в практику историко-лексикологических разысканий. И это понятно: «анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении — является одной из основных задач исторической лексикологии»¹.

Рассмотрим вопрос о семантическом развитии названий оружия в русском языке. Большинство названий оружия, представленных в древнерусских текстах и сохранившихся по настоящее время,